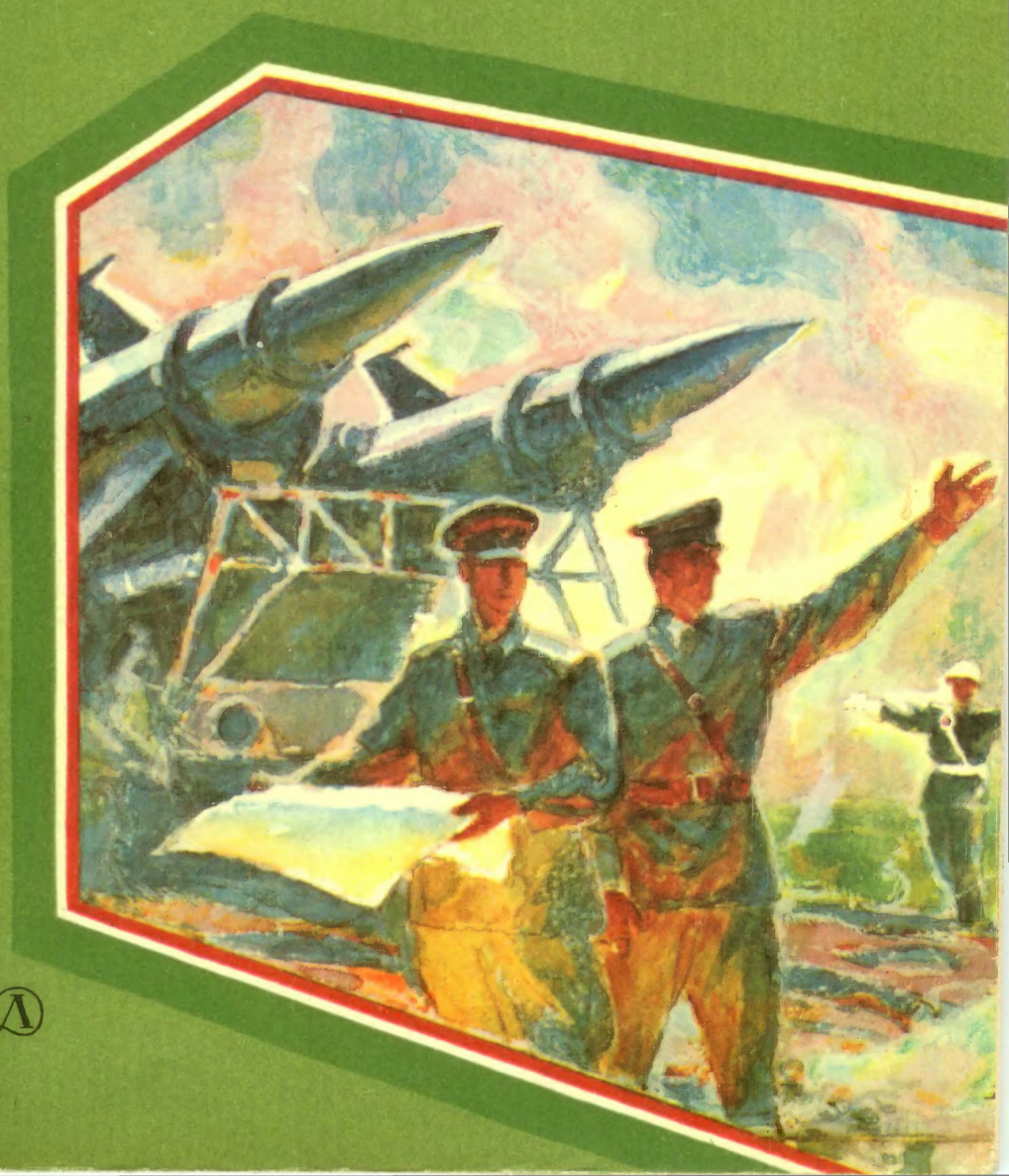

АНТОН МАРТЫНОВ

ПЕРЕД
МАРШЕМ...

АНТОН МАРТЫНОВ

ПЕРЕД
МАРШЕМ...

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1983

Рецензент: заслуженный работник культуры
полковник П. И. Сурин.

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Художник
Ю. Рязанов

Мартынов А.
М29 Перед маршем...: Очерк/Художник Ю. Рязанов.— М.: Дет. лит., 1983.— 48 с., ил.

10 к.

Очерки о Советской Армии. Автор, участник Великой Отечественной войны, рассказывает будущим призванникам о сущности армейской службы, о священной обязанности каждого молодого человека защищать свою Родину.

М 4802010000—544482—83
М101(03)83

ББК 68
355

Был один из последних дней мая — голубой, праздничный, беспричинно радостный. Я подошел к окну и увидел: улицу пересекает стройный, спортивного обличия парень в несколько странной экипировке. На нем была яркая легкая рубашка, расклешенные светло-серые брюки и зеленая, как трава, фуражка армейского образца, но с крохотным лакированным козырьком...

Не успел я подумать, что бы это могло означать, как из троллейбуса вышел другой молодой человек — в бежевом «цивильном» костюме, желтых босоножках, в голубом галстуке и... в точно такой же зеленой-презеленой фуражке... И следом фуражки замелькали по всей улице, они перемещались к какой-то неведомой мне цели, они двигались по неизвестному мне поводу, они явно торопились к определенному времени.

Было двадцать восьмое мая: День пограничника! И бывшие защитники наших границ, уволенные из армии солдаты, подражая ветеранам Великой Отечественной войны, спешили к условленным заранее местам на встречи застав, погранрайонов, округов.

Всю жизнь, с самого детства, я был равнодушен к пограничникам. Может быть, тут виновато кино, создавшее в свое время захватывающие фильмы о людях границы и об

их четвероногих друзьях; может быть, неизгладимой оказалась память о героях, которые первыми вступали в бой со всеми, кто пытался посягать на нашу землю. Так или иначе, упустить этот случай я не мог и потому пошел вслед за зелеными фуражками.

Интересно, думал я, а как сегодня относятся бывшие солдаты к тому времени, что они провели в армии? Набравшись смелости, я подошел сначала к одному, потом к другому, к третьему... И у каждого спрашивал:

— Скажите, пожалуйста, что дала вам военная служба? Что особенно запомнилось?

Ребята были разные, и ответы, естественно, они давали совсем не похожие. И в этот день радостных встреч, день воспоминаний, день нерушимой солдатской дружбы все они особенно охотно старались исполнить мою, может, и не вполне обычную просьбу. Вот что они говорили.

— До армии я не был совсем уж слабаком. Факт. Но теперь — не сравнить. Особенно ценю упражнения — невооруженный против вооруженного... Такая тренировка придает смелости, как-то увереннее по земле ходишь. Словом, я знаю: если кто захочет меня тронуть, то, скорее всего, это ему не удастся. И конечно, за товарища могу постоять.

Пограничная служба трудная. Ну хотя бы потому, что никогда не знаешь, тревога учебная или боевая... А раз так, живешь всерьез, и это навсегда.

— Мне служить досталось на юге. А знаете, какие там звезды? Во — как блюдца. И яркие-яркие... Невозможной силы звезды! Правда, особенно любоваться ими времени не было: служба не позволяла. Ребята у нас на заставе были со всей страны, любых национальностей. Поначалу кое-кто и скис, трудновато с непривычки-то. Но вот служба и помогла все преодолеть, всех в одно целое спаяла. Так что жили

мы потом, как братья родные, и главное — знали: что ни случись, из любой беды друг друга выручим! Иначе нельзя — ни на границе, нигде...

Когда я в армию уходил, представления о дальнейшей жизни не имел. Зато теперь выбрал: буду астрономией заниматься. Точно! Подготовлюсь и поступлю в университет. А еще — жениться надумал. Она — из «Тысячи и одной ночи»...

— Работаю в уголовном розыске. Это прямой результат службы. Учусь. Мне еще долго учиться. Понял, что это надо, не сразу. Но на заставе была возможность разобраться во всем как следует, вот и увидел свою серость, необразованность, когда сравнил собственную биографию с биографиями других...

Служба вообще научила меня относиться к жизни куда серьезней, чем прежде. До армии я будто в игрушки играл... сам не знаю, отчего так. Но когда на контрольно-следовой полосе впервые отпечатки увидал, когда вообразил, что за этим может скрываться, именно в тот раз я, может, только и понял по-настоящему, что такое наша Армия для страны, для Родины: ведь это от меня, от тысяч и тысяч таких же, как я, ребят — кто за штурвалами самолетов, кто на ракетных установках, кто где-то в море, на вахте — от всех нас зависит, будет ли страна жить спокойно.

— Мне идти служить, скажу прямо, было очень даже страшно. Почему? Отвечаю: в нашем ПТУ я считался самым недисциплинированным, самым «образцово разболтанным». Больше скажу: на учете в этой... в детской комнате милиции состоял.

Все говорили: «Ну, Степа, обломают тебе в армии рога! Там не побалуешь...»

Честно признаюсь — боялся. Но когда к месту прибыли и начались занятия, у меня как-то все хорошо получаться

стало. Даже не знаю почему. Старшина хвалит, прапорщик хвалит, капитан тоже... Я, конечно, к этому — чтобы все хвалили — не привык. И, знаете, мне понравилось! Начал стараться. До самой демобилизации никаких взысканий не получал, а благодарностей и вообще поощрений много.

На вопрос: «Что мне дала армия?» — могу ответить совершенно точно: армия мне показала — я не хуже, а может, кое в чем еще и получше других...

— Всегда я любил животных. Всяких. Всегда возился с рыбками, котятами, щенками... И во всяких кружках занимался, и дома разное зверье держал. Но жил до армии исключительно в городе, так что любовь любовью, а какие условия?..

На границе глаза в глаза с природой встретился, пришлось с животными поработать, с собаками в первую очередь. Теперь мечтаю найти себе в жизни негородское применение: в лесники, может, пойду, может, в охотники...

Пока еще я точно не решил, но знаю, что по утрам хочу встречать чистые солнечные восходы, солнце не в городском мареве видеть, а степное или лесное, чистое, пылающее. И чтобы закаты тоже были праздничные! Меня служба видеть научила — и окружающее, и, думаю, себя тоже.

— Как сказать, что дала армия? Может, не столько и дала, сколько взяла, — или так, по-вашему, не бывает? Я служил в шоферах. А дороги в тех краях — кошмар! И машина мне досталась — не дай бог... старей некуда...

Два года: или трясусь по сопкам да распадкам, или между колес валяюсь. Думал, на руках и кожи не останется. Ничего я на той границе не видел — ни чужих, ни своих, ни тайги. Утро начинается — кручу гайки и в дорогу, ночь на дворе — все сначала...

Чего вы на меня так смотрите? Ну конечно, опыта под-

набрался. Могу теперь с завязанными глазами хоть коробку скоростей заменить, хоть кардан на кусочки разложить и снова собрать. Если в этом смысле говорить, то кое-что от армии я получил. Верно...

И тут совершенно внезапно хлынул такой ливнище, какого я уже давно не видывал...

Спасаясь от слепой ярости весеннего дождя, я забежал под первую попавшуюся на глаза крышу и очутился в просторном, темноватом павильоне, где собирались, видимо, устраивать летнее кафе. Баррикадой высились здесь столики; словно счетверенные зенитные пулеметы, смотрели ножками в потолок взгроможденные друг на друга стулья. Я огляделся.

Вроде никого. И тут из-за сваленной в кучу мебели раздался громкий, наставительный голос:

— Я же тебе не враг: не станешь как следует учиться, не возьмешься за ум, загремишь как миленький в армию!.. Подумай только, ведь это два года... трубить... Соображаешь?..

Я громко покашлял: дескать, имейте в виду, люди, вас слышно! Но говорившего это нисколько не смутило, и он продолжал:

— Все твои товарищи будут нормальным порядком в люди выходить, а ты в это время что? Выше ногу?! Тяни носок?! Ать-два...

Ломающийся мальчишеский голос как-то вяло и не слишком уверенно возразил:

— А другие служат, и ничего... не умирают...

— Вот именно — не умирают! Только я не желаю, чтобы мой сын был как все другие и прочие! Для этого не стоило тратить тех сил, денег и времени, что я на тебя потратил...

Я отошел в самый дальний угол павильона, чтобы не слышать этот клейкий, самоуверенный голос, и, глядя на кипевшие под напором дождя кофейного цвета лужи, задумался.

Можно ли пугать человека предстоящей службой в армии? Честно ли это?

Судя по всему, парнишка был довольно взрослый, а папаша обращался с ним как с полным несмышлеником — только буки или бабы-яги не хватало...

Ну, хорошо, с папашей все ясно... А сыночек? Слова решительного возразить не сумел! Или не посмел... Почему?

Пока я раздумывал, дождь начал утихать.

Первыми на садовую дорожку вышли те двое.

Поглядев им вслед, пошел и я своей дорогой.

А в голове все звучали случайно услышанные голоса. И виделось: идут большой и маленький, большой размахивает руками, а маленький только осторожно взглядывает на него и покорно слушает, слушает, слушает...

И вспомнились мне brave ребята-пограничники, и пришли на память их зазорные слова... И многое еще растревожило душу. Короче говоря, вот тогда-то и было принято решение: рассказать будущим солдатам об Армии, об их святом долге, чтобы шли они в наши Вооруженные Силы с открытыми глазами, понимая, что к чему.

Сам я в ряды Вооруженных Сил вступил еще до войны. Добровольно выбрал себе военную судьбу. И многие годы прослужил в армии. Теперь, перебирая в памяти минувшее, думаю: повидать и пережить досталось всякого. И праздников в военной жизни было куда меньше, чем будней. Но ведь так и должно быть — это совершенно нормально.

И еще я думаю: если сегодня кто-нибудь спросит меня, какое главное ощущение я вынес из армейской жизни, отве-

чу так: главное, пожалуй,— это строгость, направленная на достижение поставленной цели. Осознанная необходимость, на мой взгляд,— первооснова армейского существования. Именно осознанное отношение каждого военнослужащего к воинскому долгу позволит ему успешно выполнить свою почетную и священную обязанность — защищать страну, нашу социалистическую Родину от любых врагов, а если понадобится, то и прийти на помощь нашим друзьям и союзникам. В мире по-прежнему неспокойно, и угроза новой войны будет существовать до тех пор, пока империалистические государства не оставят попытки навязать свою волю другим странам...

Потому-то наша армия должна быть крепкой, боеспособной, готовой в любую минуту вступить в схватку с противником — и победить! Но современная армия оснащена оружием, которое эффективно только при условии прекрасной слаженности в работе всех воинов: малейшая неисполнительность одного из них — и боевая задача не будет выполнена... Командирские приказы потому и не подлежат обсуждению, выполняются беспрекословно и точно в установленный срок. Потому и вообще всю военную жизнь пронизывает строжайшая дисциплина.

А если сказать проще: в армии если что-то надо, значит, надо!!!

Обо всем этом я и хочу рассказать мальчишкам, всем, кому предстоит еще пройти военную выучку, испытание воинской службой — всем будущим солдатам нашей Армии.

С чего начинается армия?

Наверное, на такой, казалось бы, вовсе не трудный вопрос можно дать и сто и двести совершенно правильных и совершенно разных ответов. Дело в том, что каждый воспринимает, чувствует по-своему. Для меня армия начинается бравым видом солдата, умением держаться в строю

и вне строя, ходить, отдавать воинское приветствие — словом, выглядеть по-военному.

«Как так — умение ходить? — спросит, пожалуй, человек сугубо гражданский и еще не без ехидства добавит: — А я-то думал, как разок выучишься — в годик там или в полтора — по земле топтать, так уж на всю жизнь».

Служба в армии — срочная ли, курсантская, в танковых ли войсках, в авиации или на подводном флоте — непременно начинается курсом молодого солдата, и среди первых премудростей этого курса — строевая подготовка. Правда, занимаются ею солдаты — и не только солдаты! — в течение всего срока службы. А помимо того, изучают воинские уставы, которые регламентируют обязанности солдат, их права, определяют до мельчайших подробностей весь порядок жизни армии. Но об этом в свое время.

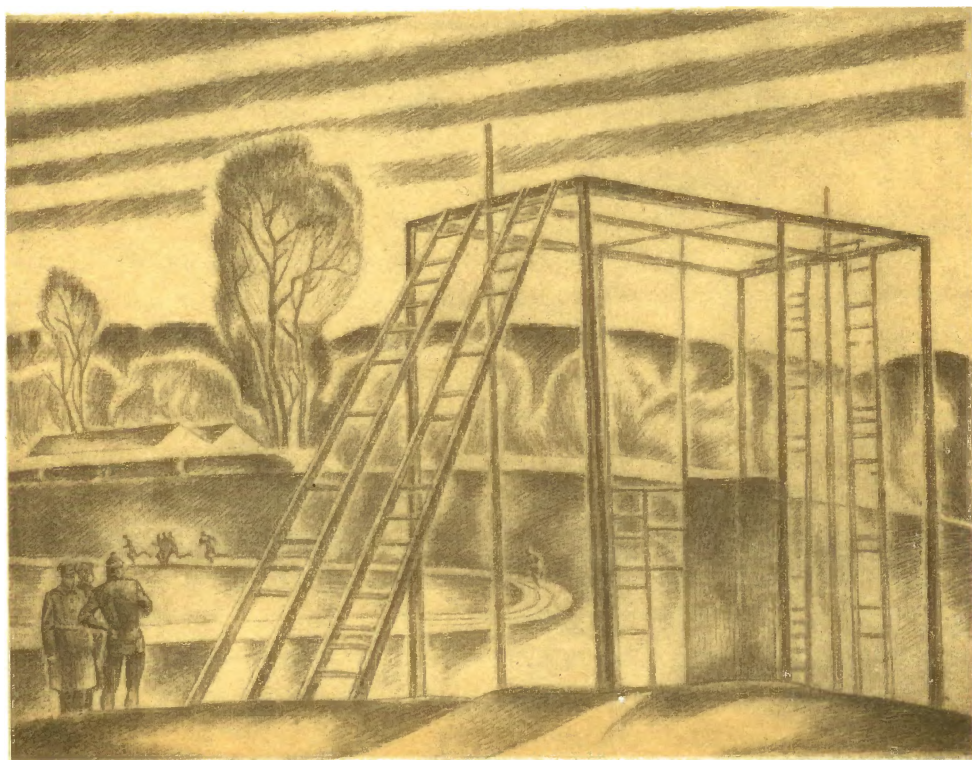
Припоминаю. Мы прибыли в учебную роту. Переодели нас в военную форму, которая, признаться, весьма странно, а проще — нескладно сидела на наших мальчишеских, тонких фигурах, и началось: «Становись! Равняйся — голову повернуть направо, смотреть на грудь четвертого человека, считая себя первым... Смирно! Отставить...»

Оказалось: прежде чем научиться ходить по-военному, надо еще отработать основную стойку — пятки вместе, носки врозь, спина прямая, локти плотно прижаты к туловищу... И при этом никакого напряжения...

Одновременно с «шагистикой», как неофициально называли мы строевую подготовку, начались спортивные занятия. Знаю: городок с полосой препятствий, площадка с гимнастическими снарядами и кроссовые дистанции многим и многим, даже спустя годы, представляются невообразимым кошмаром.

А почему?

Да очень просто: если ты сегодня занимаешься физкультурой главным образом развалившись на диване перед

телевизионным экраном и твоя любимая «спортивная квалификация» — болельщик, вполне естественно, что три километра пересеченной местности покажутся тебе длиной с экватор, особенно когда бежать придется в сапогах, в амуниции и... без тренировки.

В разное время мне довелось прочитать немало солдатских писем. И вот чего нельзя было не заметить: наиболее жалобные послания исходят от молодых солдат в самые первые дни службы: «Ох, трудно... Ох, невыносимо... И для чего только эти кроссы, если нам предстоит быть танкистами?..»

А действительно, для чего? Ведь сегодняшняя армия механизирована как никогда прежде; вся армия — на колесах, на гусеницах, на крыльях...

Отвечу так: когда человеку приходится каждый день

преодолевать себя, хочешь не хочешь делать то, что надо, и так, как надо,— всякий становится лучше, надежнее, крепче.

И не только телом — непременно душой тоже...

Вспоминаю. Уже после окончания военного училища, прибыв в часть, где мне предстояло служить летчиком, я узнал: полк, как полагается — с присвоенным номером, знаменем, со списочным составом, — существует. Но и знамя, и списочный состав располагаются в чистом поле: ни аэродрома, ни самолетов, ни укрытий, ни жилья...

Признаюсь, это показалось несколько странным, но долго размышлять не пришлось: лопату в руки и — марш-марш! — копать капониры (самолетные укрытия)... А следом — за топор и валить лес, сооружать землянки... Суровая военная необходимость заставляла нас заниматься совсем не своим прямым делом, и заниматься на совесть.

Замполит сказал тогда, и мы, молодые пилоты, даже не сразу поняли, всерьез он или шутя: «Имеете прекрасный случай доказать свою любовь к Родине не языком, а честными мозолями...»

И верно, мозоли долгие годы, еще и после войны, не сходили с наших ладоней. Хоть мы, летчики, и были в известном смысле армейскими аристократами, любимцами и баловнями народа, однако за нас никто ничего не делал...

Тогда, в недавнем прошлом городскому мальчишке, выросшему при центральном отоплении и прочих столичных благах, мне не так сразу покорились и двуручная пила, и топор, и лом, и лопата.

Но надо было — и освоил.

Кстати, никогда потом не пожалел. Все, так сказать, побочные квалификации оказались не лишними в жизни.

Об армейских старшинах — ближайших солдатских начальниках — существует немало преданий. Я бы сказал, живет и с годами умножается целый старшинский эпос:

фигурирует в нем и старшина Змей Горыныч, и старшина Дракон. Да мало ли чего не напридумают бывалые солдаты...

У меня немалый опыт общения со старшинским народом, и поэтому могу заверить: старшины бывают разные. И чтобы одинаково хорошо жить с любым старшиной, необходимо:

- точно исполнять его распоряжения;
- говорить меньше — коротко и только по существу;
- не жаловаться на тяготы службы;
- не задавать лишних вопросов;
- не возражать;
- не демонстрировать своего превосходства (мнимого или истинного);
- выглядеть всегда браво: плечи в полный разворот, ремень затянут, сапоги блестят, пуговицы затмевают солнце.

А теперь отвлекись на минуту.

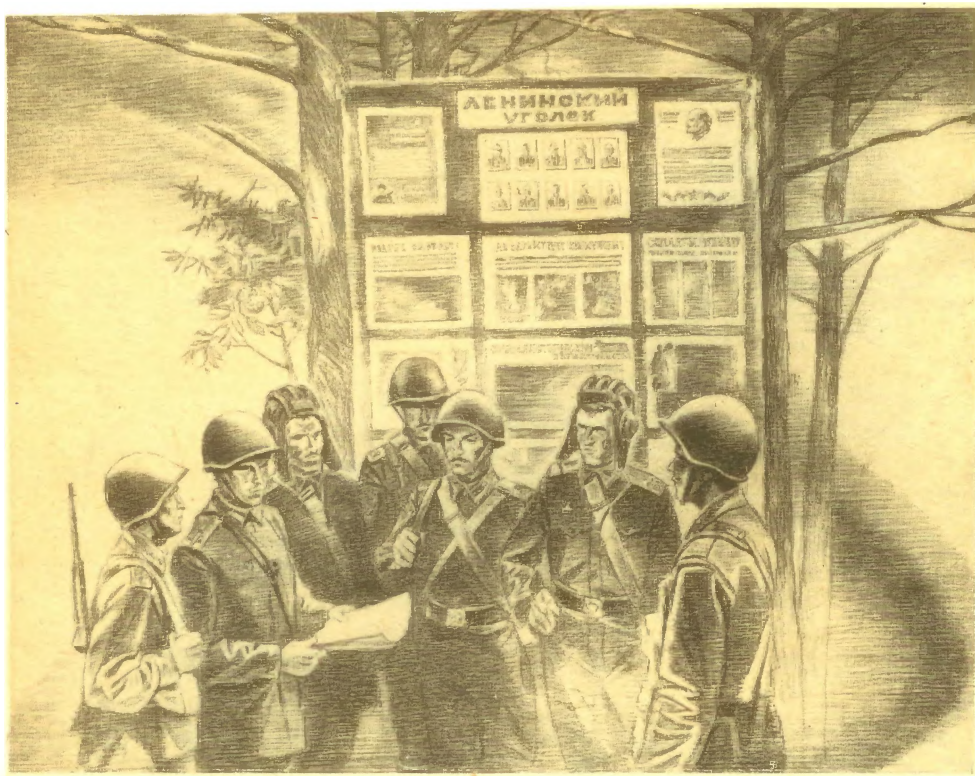
Кому и, главное, для чего нужны эти прозаические, самые что ни на есть будничные воспоминания старого солдата? И нужны ли?

Спортивная форма обретается не сразу, тем более человеческий характер, какие-то определенные привычки складываются тоже не за неделю. Согласен? Так вот, может, эти редко расставленные вехи — а что такое воспоминания бывшего человека, как не отдельные вехи жизни? — и помогут тебе правильно сориентироваться в сложном русле военной жизни и, когда придет твое время идти армейским фарватером, не дадут сесть на мель, уберегут и от иных неприятностей.

Только не говори: «Но мне же всего четырнадцать!»

Ничего себе — всего! Уже, дорогой, уже четырнадцать!

Ты и не заметишь, как промелькнут каких-нибудь четыре года, и не в кино, а наяву для тебя раздастся команда:

— Становись! Равняйся! По порядку номеров рассчитайсь!

И начнется служба...

Постоянно говорят: самое тяжелое в армии — дисциплина. Все расписано по минутам, ни шагу в сторону, а чуть оплошал — взыскание...

Но так ли?

Не совсем. Мне кажется, чтобы не слишком страдать под бременем суровой (действительно суровой) военной дисциплины, то есть определенного строгого порядка, человеку надо заранее понять, для чего и во имя какой цели нужна дисциплина.

Нынешняя армия — колоссальный, многосложный, миллионоликий организм, армия насыщена техникой, подчиняющейся дружным экипажам. Трудно вообразить, сколь сложна эта, выражаясь современным языком, сверхсистема, составленная из необозримого числа отдельных человеческих волей. Как же управлять такой армией без выверенного и безукоризненно соблюдаемого порядка, начинающегося с безусловного повиновения младшего старшему, без понимания, что приказ свят и должен быть исполнен неукоснительно?!

Таким образом, дисциплина — не чья-то прихоть, дисциплина — необходимость и неизбежность.

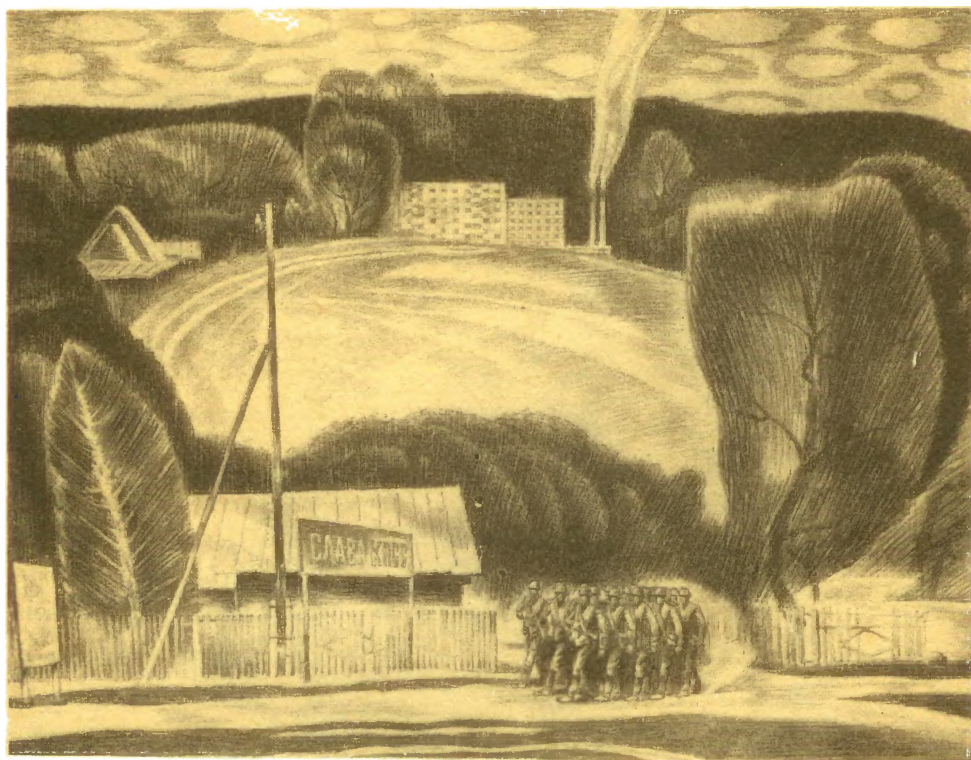
Подумай, прежде чем соглашаться со мной. Подумай. Очень я хочу, чтобы смысл понятия «дисциплина» дошел до тебя. Добровольно! Потому что кто однажды поймет это, тот без особого труда найдет себя.

Тебе предстоит не раз еще услышать: воинская дисциплина нашей армии особенная — она есть и всегда должна быть сознательной, то есть принятой человеком силой его разума, а не навязанной, не вколоченной насильно.

И это — истина.

Вот уже не первый день я возвращаюсь мыслями в молодые годы, припоминаю начало армейской службы, какие-то картины прошлого, мелкие, забытые, казалось, подробности. Верю, нет ничего убедительнее достоверных деталей, и потому пишу о них.

Помню, соревновались подразделения: какое по команде «Подъем!» быстрее соскочит с коек, оденется и построится? Соревновались азартно и жестко. Случалось, и «комбинировали»: проснется кто-нибудь пораньше и натянет брюки, лежа еще под одеялом. Конечно, если такой номер обнаруживался, без взыскания не обходилось... Но в общем, все заканчивалось большей частью довольно благополучно, и за полторы-две минуты отделение стояло в строю. Но однажды случилась беда:

«Подъем! Боевая тревога!»

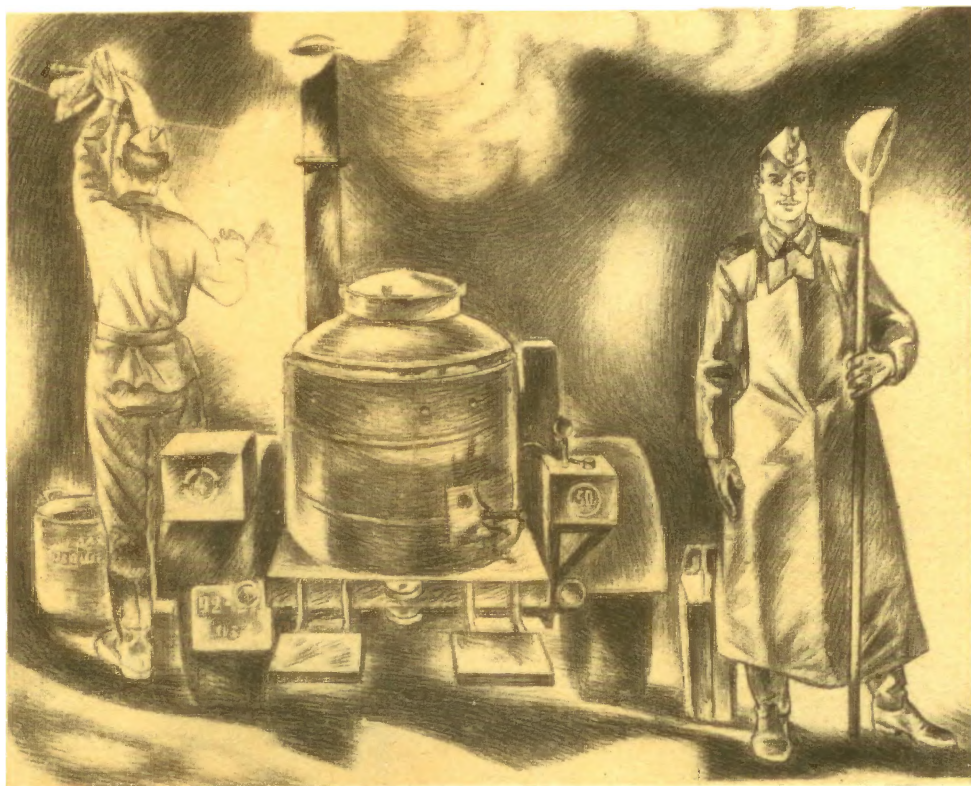
И нас, что называется, с места в карьер бросили в многокилометровый пеший марш. А сапоги-то я натянул — для быстроты — на босые ноги: надеялся потом переобуться. Но этого самого «потом» не оказалось.

Надо ли говорить, что ног и на десять километров не хватило — стер до живого мяса. Однако хуже физических страданий оказались угрызения совести. «Ну кого же ты, дурак, обманул?» — спрашивал я сам себя.

Видимо, когда моя афера выплыла наружу, командир посчитал меня достаточно наказанным и слова осуждающего не сказал, только спросил с сочувствием: «Очень больно?»

Пришлось смолчать. Выглядеть малодушным не хотелось, а от вранья армия меня уже в значительной степени отучила...

Примерно в ту же пору мне довелось пройти курс «кухонной подготовки».

Есть такой армейский наряд — на кухню или на камбуз (на флоте)... Еду готовят повара (на кораблях — коки), а всю подсобную работу выполняет наряд — таскает воду, чистит картошку, овощи, подбрасывает на разделочные столы туши, вскрывает консервные банки, моет посуду и, разумеется, полы...

И тут нужно заметить: дома тебя могли считать крупным специалистом по чистке картошки, ты мог быть чемпионом пионерского лагеря по этой части, но... обработать килодругое картофеля — это совсем не то что два-три мешка за ночь. Тут без особой сноровки не обойтись, а еще важнее сноровки — терпение. Вот уже и пальцы деревенеют, и глаза

толком не видят, а мешок еще далеко не весь, и надо — надо! — самого себя взять за шиворот, хорошенечко встряхнуть и заставить довести дело до конца.

Всем, кто хочет отслужить в армии без особых затруднений, всем, кто хочет пройти это положенное каждому мужчине испытание с честью, советую: тренируйте терпение, учитесь выдержке...

Все мальчишки любят оружие.

Вероятно, эта страсть имеет очень и очень древнее происхождение и восходит еще к тем временам, когда всякий истинный мужчина был охотником, добытчиком, воином.

Мне довелось побывать в разных странах, и всюду

ребята играют в войну, всюду раздается азартное: «Пах-пах-пах... Та-та-та-та-бум!.. Трах-та-та-тах!..»

И вот подросток, попав в армию, ожидает, что едва ли не в первый же день они получат настоящее оружие в руки.

Однако это не так, совсем не так.

Владеть, распоряжаться оружием — это прежде всего высочайшая ответственность!

К этому надо быть готовым.

Проходя курс молодого бойца, военнотружущий непременно знакомится с устройством автомата, тренируется в сборке и разборке учебного оружия, постигает основные приемы использования оружия, но своего личного автомата получить еще не имеет права: хоть и в форме человек ходит, хоть и вскакивает по команде «Подъем!», хоть и освоил уже первые строевые навыки, а все-таки не вполне пока он солдат...

Но почему?

Все военнотружущие Советской Армии только тогда на самом деле становятся военнотружущими, когда примут присягу.

Чувство высокой ответственности должно быть не только выработано в человеке и не просто им усвоено, но еще и скреплено этим особым торжественным актом.

На принятие присяги в часть приглашают обычно почетных гостей, и на плацу, где молодых солдат приводят к торжественной клятве, появляются ветераны, родители; солдат выстраивают перед развернутым знаменем части, вздыхает оркестровая медь. Командир полка произносит напутственную речь...И один за другим подходят солдаты к принимающему присягу командиру, и каждый произносит:

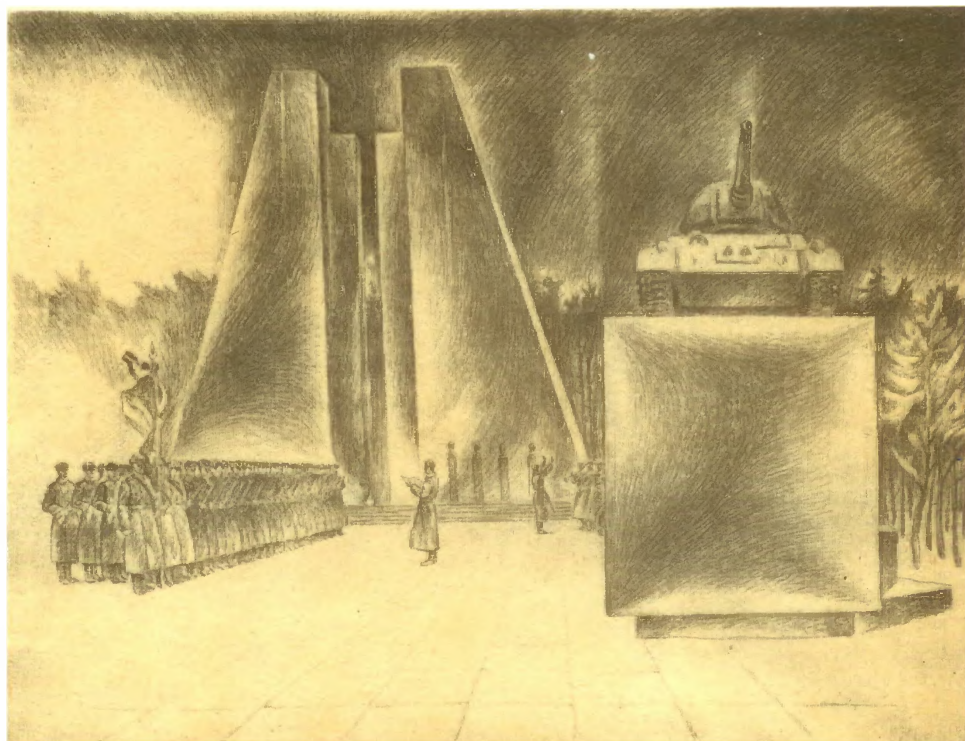
Я, ГРАЖДАНИН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, ВСТУПАЯ В РЯДЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, ПРИНИМАЮ ПРИСЯГУ И ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ, ХРАБРЫМ, ДИСЦИПЛИНИРОВАННЫМ, БДИТЕЛЬНЫМ ВОИНОМ,

СТРОГО ХРАНИТЬ ВОЕННУЮ И ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, БЕСПРЕКОСЛОВНО ВЫПОЛНЯТЬ ВСЕ ВОИНСКИЕ УСТАВЫ И ПРИКАЗЫ КОМАНДИРОВ И НАЧАЛЬНИКОВ.

Я КЛЯНУСЬ ДОБРОСОВЕСТНО ИЗУЧАТЬ ВОЕННОЕ ДЕЛО, ВСЕМЕРНО БЕРЕЧЬ ВОЕННОЕ И НАРОДНОЕ ИМУЩЕСТВО И ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ БЫТЬ ПРЕДАННЫМ СВОЕМУ НАРОДУ, СВОЕЙ СОВЕТСКОЙ РОДИНЕ И СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Я ВСЕГДА ГОТОВ ПО ПРИКАЗУ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЫСТУПИТЬ НА ЗАЩИТУ МОЕЙ РОДИНЫ — СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, И, КАК ВОИН ВООРУЖЕННЫХ СИЛ, Я КЛЯНУСЬ ЗАЩИЩАТЬ ЕЕ МУЖЕСТВЕННО, УМЕЛО, С ДОСТОИНСТВОМ И ЧЕСТЬЮ, НЕ ШАДЯ СВОЕЙ КРОВИ И САМОЙ ЖИЗНИ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ НАД ВРАГАМИ.

ЕСЛИ ЖЕ Я НАРУШУ ЭТУ МОЮ ТОРЖЕСТВЕННУЮ ПРИСЯГУ, ТО ПУСТЬ МЕНЯ ПОСТИГНЕТ СУРОВАЯ КАРА СОВЕТСКОГО ЗАКОНА, ВСЕОБЩАЯ НЕНАВИСТЬ И ПРЕЗРЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ.

Слова присяги скрепляются личной подписью военнослужащего.

Заметь: присягу принимают только один раз — и на всю жизнь.

Вспоминаю, как мы принимали присягу, вновь слышу торжественное пение духовых инструментов, представляю себе бьющееся на резком ветру темно-красное знамя и думаю: «Как рассказать нынешним мальчишкам о цене присяги? Как убедить их в громадной значимости слов, что им предстоит произнести и скрепить своей подписью?»

Это верно говорится: нет ничего убедительнее фактов.

Вот почему я отправляюсь в залы Центрального музея Вооруженных Сил.

Нет, я не стану рассказывать обо всем здесь увиденном, не стану хотя бы потому, что не хочу никого лишать удовольствия познакомиться с музеем, пережить чувство открытия... Увидеть всегда лучше.

Здесь, в книге, я постараюсь лишь несколькими штрихами очертить самое-самое, на мой взгляд, существенное.

Как и чем оценить меру человеческой стойкости? Это не отвлеченный вопрос: стойкость — первый долг солдата!

Присмотрись к железному кружеву Бреста, вот к этим замысловатым узорам, высеченным осколками противника в почерневшем листовом железе; присмотрись внимательно — металл утратил свою форму, свой привычный вид, превратившись в паутину, а люди в том аду держались.

И еще постой над зеркальной витриной, наполненной землей Сталинграда. Пепельно-серая, перегоревшая, мертвая эта земля густо перемешана с железом — осколки металла: крошечные, побольше и вовсе увесистые...

И на этой земле тоже и жили, и дрались люди...

С металлическим кружевом Бреста будто перешептывается полуистлевшее кружево предсмертных писем, боевых донесений, приказов.

Какие бы слова ты ни разобрал в этих бумагах, у всех один смысл — верность.

Все боевые знамена нашей Армии красного цвета. Цвета революционной борьбы, цвета пламени. И неспроста: судьбы знамен — это судьбы людей, судьбы страны.

В начале Великой Отечественной войны, выходя из окружения, бойцы 608-го стрелкового полка несли знамя — символ их чести и достоинства, пряча полотнище у сердца, на теле, под гимнастеркой. Путь их был неописуемо тяжек. Смертельным был этот путь.

Гибли люди, и знамя переходило к оставшимся в живых...

Случилось так, что не дошли до своих солдаты. И вместе с последним бойцом легло в могилу прижатое к умолкнувшему человеческому сердцу знамя.

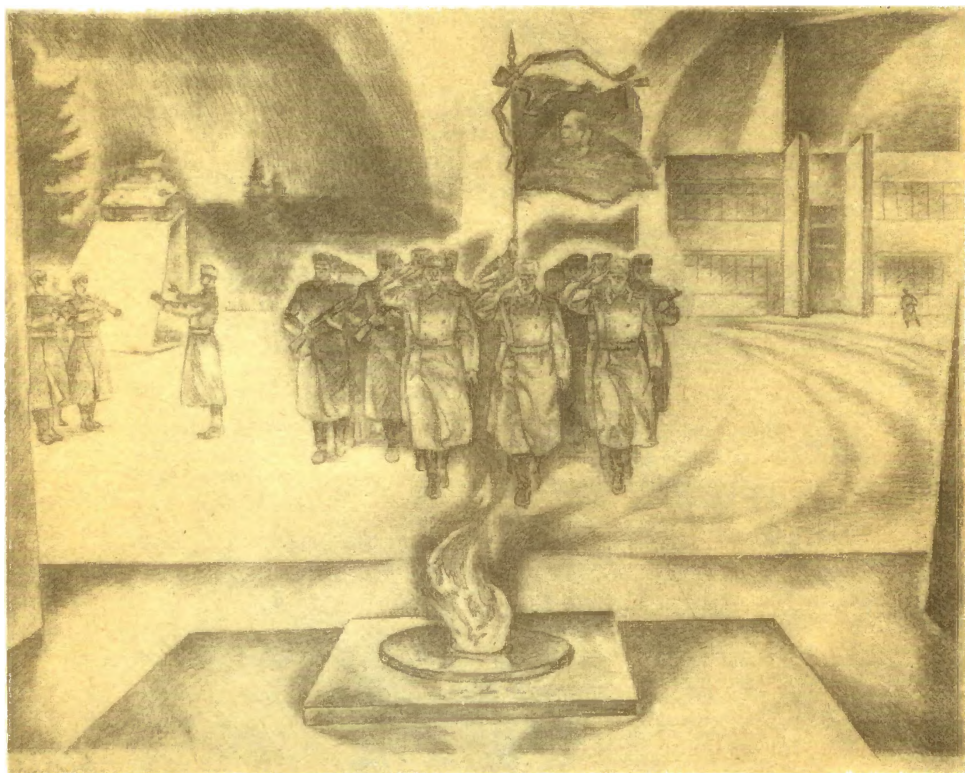
Минуло много-много лет. И вот однажды, когда решили перенести прах павших бойцов из захоронений военного времени в мемориал, обнаружили это знамя в земле. На полуистлевшем, чудом сохранившемся знамени по-прежнему молодо голубел земной шар, золотом сверкало солнце!..

Жизнь нельзя убить — будто бы говорит боевое знамя 608-го стрелкового полка. И те, кто спасал знамя, знали это.

Героям — бессмертие.

Конечно, ты и читал и слышал об этом. Я тоже. Но одно дело — знать, и совсем другое — прикоснуться к бессмертию хотя бы взглядом.

Среди множества памятных экспонатов хранятся в музее часы... без стрелок. Старомодные, грубоватой работы, крупнокалиберные ручные часы. Когда-то они принадлежали командиру 11-й танковой бригады комбригу Михаилу Павловичу Яковлеву. В тяжелом бою он повел в атаку роту и погиб.

Когда тело Героя Советского Союза Яковлева извлекли из-под обломков разбитого танка, солдаты увидели — стрелок на часах комбрига нет, их сорвало взрывом, но часы идут.

Так кончилось время человека и началось нескончаемое время вечности...

Больше всего суетятся мальчики в Музее Вооруженных Сил у витрин с оружием. Шалют мальчики от одного вида именных пистолетов, замороженно глядят на тяжелые маузеры, с жадностью липнут к стеклам, за которыми трофейные карабины и автоматы.

Бесполезное дело унимать ребят, совершенно бесполезное...

Но все-таки, милые мои, оторвитесь от пистолетов, отступите от карабинов, приглядитесь к этому каменному столбу и запомните обозначенную на нем черную цифру — «41»...

Так выглядел километровой столб, стоявший на сорок первом километре Ленинградского шоссе.

Камень иссечен артиллерийскими осколками. Столб — молчаливый свидетель боев за Москву.

Так, может быть, сто́ит пойти и на то место, именно пойти, а не поехать в туристском автобусе?

Может быть, стоит собственными глазами взглянуть на ту землю и переночевать на том рубеже под открытым небом?

Говорят: кто не испытал горя, не оценит радости. Это верно...

Не обязательно идти именно к сорок первому километру Ленинградского шоссе, но очень советую всем будущим солдатам пройти свой маршрут по земле, что отстояли их предшественники: в нашем прошлом начинается ваша, ребята, судьба...

Люди, родившиеся спустя много лет после Великой Отечественной войны, не очень-то ясно представляют себе то время, и многим кажется, будто на фронте только и делали, что совершали подвиги...

И не просто растолковать сегодняшним мальчишкам, как тесно переплеталось в суровые фронтовые годы героическое и будничное, — порой и не разглядеть было границы между одним и другим...

На стенде, посвященном Людмиле Михайловне Павлюченко, Герою Советского Союза, снайперу 25-й ордена Ленина Краснознаменной дивизии имени В. И. Чапаева, лично сразившей 309 противников, — винтовка с оптическим прицелом и рядом... рогатка. Обыкновенная мальчишеская рогатка!

Что за чудо?

Оказывается, возвращалась Людмила Михайловна, тогда еще просто Люда, из неудачной засады. Жара. Пить хочется. И настроение — хуже не придумаешь. И тут ее окружили откуда ни возьмись набежавшие мальчишки. А знаете, что за народ севастопольские ребята? Палец в рот не клади. Окружили и спрашивают:

— Сколько сегодня фашистов уложила?

Ребятам казалось, что у такого прославленного снайпера, как Павлюченко, просто не может быть пустых дней.

— Не повезло мне сегодня, ребята,— честно призналась Павлюченко,— ничего не смогла...

И тогда от ребячьей ватаги отделился малюсенький парнишечка, худой и черный, протянул свою рогатку и сказал, насмешливо улыбаясь:

— Возьми, потренируйся.

Молча взяла Павлюченко ту рогатку и берегла всю войну.

Незадолго до смерти Людмила Михайловна призналась:

— Тогда я ничего мальчишке не сказала, но это была такая обида... такая обида...

Обида рождает злость. А злость на войне, случается, очень даже помогает — и выстоять, и выдержать, и не дрогнуть...

Может, потому Людмила Михайловна и не расставалась никогда с мальчишеской рогаткой?!

Сколько, по-твоему, самолетов может сбить человек в одном воздушном бою?

Герой Советского Союза Александр Константинович Горовец сбил девять. Подряд. Один за другим.

Немыслимо! Невероятно!! Трудно поверить!!!

Ставшая музейным экспонатом молчаливая пушка, снятая с самолета Горовца,— доподлинный свидетель этого непревзойденного, единственного в своем роде за всю войну боя.

...И может быть, в этом все дело: побеждает тот, кто совершает немыслимое, невероятное, невозможное?

11 августа 1942 года вышла в свет «Партизанская правда» — орган Даньковского райкома ВКП(б) и райисполкома депутатов трудящихся — газета размером чуть больше тетрадного листка. Напечатана она на... бересте: бумаги на оккупированной территории было не достать, но газета не могла не выйти — и вышла. Желтоватый клочок бересты и сегодня, спустя сорок лет, смотрит нам в глаза своими гневными, призывными строками, но этого мало — он учит внуков тех, кто печатал «Партизанскую правду», совершать невозможное...

Легенда гласит: «...И был призван к самому главному командующему самый первый снайпер фашистской армии. Славился тот снайпер тем, что никогда ни одной пули не посылал мимо цели. И получил он приказ: немедленно отправиться на фронт, найти там и убить русского снайпера Зайцева, который наносит совершенно немыслимый ущерб вооруженным силам Германии».

И будто бы дал, говорила легенда, самый главный командующий своему первому снайперу один патрон и сказал: «Верю, не промахнешься».

А продолжалась эта (уже подлинная) история так: Григорий Зайцев, один из самых знаменитых снайперов Великой Отечественной войны, ничего, разумеется, не ведая о специальном задании лучшего снайпера третьего рейха, выследил и пристрелил его...

Но на этом еще рано ставить точку.

Прошли годы. И вот однажды явился в музей пожилой человек, с виду обыкновенный, пожалуй, даже несколько застенчивый, и сказал: «Принес я, если пожелаете, экспонат... А то время идет, мы не молодеем...» — и положил перед изумленными сотрудниками музея оптический прицел с винтовки майора Кёнига — начальника школы снайперов в Бер-

лине, того самого, что числился первым снайпером фашистского рейха.

Был тот пожилой человек Григорием Зайцевым.

Так скрестилась легенда с подлинной жизнью.

Для чего я рассказываю про это? А чтобы задумались вы, читающие книжки, как же возникают легенды, почему люди способны совершать подвиги, лежащие, казалось бы, за гранью возможного, за пределом того, на что способен человек? Ведь подвиг не любому по плечу — но лишь тому, кто всем своим существом убежден в правоте и величии дела, которое он защищает, даже и ценою собственной жизни.

В свое время я получил письмо от незнакомого мальчика Саши, буквально бредившего небом.

В частности, он писал: «Но что мне делать, если врачи находят врожденный дефект стопы — слишком тесно сжатые пальцы? Очень боюсь, как бы это не послужило непреодолимой преградой при поступлении в летную школу. Пожалуйста, напишите, что можно сделать, я согласен на все».

Признаюсь, я несколько растерялся. Посочувствовать, выразить свое сожаление... Это было нетрудно, но ведь человек ждал помощи.

Увы, я ответил Саше не лучшим образом: дескать, пока расти, готовься к предстоящей работе в авиации, а подойдет время — рискуй! Может, и пройдешь медицинскую комиссию... Ничего более толкового, как ни грустно, я просто не сумел придумать.

А Саша придумал. Изобрел!

Вставил между пальцами ног по катушке ниток и проходил босиком с такими распорками все лето. Как мальчик вынес, вытерпел такую пытку, не понимаю. Знаю, что судьба покорила его: медицинская комиссия признала Сашу годным к летной работе без ограничений.

Теперь Саша давно уже Александр Васильевич — майор, командир эскадрильи, военный летчик первого класса...

...Услужливая память подбрасывает еще и еще примеры, и все вроде заслуживают внимания, все поучительны... Но я подаю команду «Стоп!», продолжая верить: короткий марш-бросок в прошлое пойдет на пользу моим молодым друзьям.

И приглашаю вас к новой встрече, друзья.

Генерал-лейтенанта-инженера Алексея Николаевича Волжина я знаю очень давно и прежде всего хочу обратить твое внимание, мой молодой друг, что генерал — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, мастер спорта... И все эти высокие признания человек приобрел на военной службе. Так что зря говорил незнакомый мне папаша своему сыночку: «Все твои товарищи будут нормальным порядком в люди выходить, а ты в это время что? Выше ногу?! Тяни носок?! Ать-два...»

Вот уже много лет занимается Алексей Николаевич военной техникой. Вот почему первое, о чем я попросил сказать генерала:

— Какие качественные изменения внесла в Вооруженные Силы техническая революция, если судить только о времени, прошедшем с конца Великой Отечественной войны?

— Прежде всего мне хотелось бы напомнить, что наша армия коренным образом отличается от армий капиталистических государств. Наша армия — это армия народа. В этом источник ее непреходящей силы и могущества. Наше государство гарантирует всем нациям, входящим в состав Советского Союза, свободу и независимость. Наша армия интернациональна по самой своей сути. Она способна вместе с братскими армиями социалистических стран бдительно и надежно охранять не только мирный труд советских людей, но и великие завоевания социализма на нашей планете. Иными словами, первейшая задача Советских Вооруженных Сил — защита мира, защита социалистического Отечества: мы ведь никому не угрожали, не угрожаем и не

собираемся угрожать. Но для того чтобы быть на высоте такой задачи, мы, естественно, обязаны постоянно совершенствовать наше оружие.

Новые виды оружия основаны на совершенно иных, чем прежде, физических принципах: военная техника использует новейшие достижения термоядерной энергетики, ракетной и лазерной техники. Чрезвычайно широко применяются в армии средства радиоэлектроники, электроники, локации. В комплексах вооружений сплошь и рядом встретишь теперь счетно-решающие устройства — электронно-вычислительная техника в немалой степени определяет лицо современной армии.

Многие виды оружия столь бурно развивались, что сегодня мы встречаем в частях представителей третьего и даже четвертого поколения... Конечно, каждое следующее поколение эффективней предыдущего.

Из-за этого со времен второй мировой войны коренным образом изменились и стратегия и тактика. Ведь мобильность армии возросла невероятно, а это значит, что боевые действия всех видов Вооруженных Сил и родов войск стали скоротечными.

Ну а проще говоря, оснащение армии настолько усложнилось, что к такой технике нельзя, просто невозможно подходить без специальной подготовки. Время изменило и продолжает изменять лицо всех военных специальностей. «Коли штыком, прикладом отбейсь!» — только частность, а не основной прием, как бывало. Нынешний солдат, я бы сказал, боец другого калибра...

Тут наш разговор с генералом Волжиным самым естественным путем переходит на солдата.

И генерал — человек техники — подчеркивает особо:

— Как ни сложна, как ни совершенна военная техника, все равно решающая роль остается за человеком. Любыми механизмами, любыми машинами управляет, в конечном счете, человек. И контроль за их работой, и обслуживание сложной техники, и подготовка ее к действию — за все это в ответе живая солдатская душа.

И тут у меня возникает естественный вопрос: как же при двух-трехгодичном сроке службы удастся соответствующим образом подготовить солдата? Но прежде чем я задаю этот вопрос, Алексей Николаевич сам, будто прочитав мои мысли, говорит:

— За сравнительно короткий срок солдат должен изучить и освоить значительно больший объем знаний и навыков, чем прежде. И тут наблюдается, так сказать, встречный процесс: с одной стороны, нынешний солдат грамотнее, лучше подготовлен к восприятию специальных знаний, чем его предшественник, с другой — новая техника создается с использованием человеческих возможностей, с учетом психологических достижений, то есть она лучше приспособлена к человеку!

И конечно, подготовка ведется не на том уровне, что

когда-то: солдата проверяют на тестах, выявляют его личные склонности, способности... Огромную роль играют сегодня всякого рода тренажеры, позволяющие с максимальной приближенностью воспроизводить ситуации, встречающиеся в реальных боевых условиях,— заканчивает свою мысль генерал.

От молодых людей, которым предстоит служба в армии, мне случалось слышать и такое: «Служить, понятно, наша обязанность, отслужим! Только вот что смущает — все два года жить по программе... и никакой инициативы?..» Теперь, пользуясь случаем, спрашиваю генерала, что он думает о солдатской инициативе в современных условиях.

Вопрос не застал его врасплох.

— Начнем с того, что сегодняшней солдат непременно соприкасается с той или иной боевой техникой, требующей, во-первых, изучения и, во-вторых, подготовки к боевым действиям. Вот уже широчайшее поле деятельности для инициативного человека. Надо ли доказывать, что овладение техникой не может укладываться в узкие рамки, искусственно ограничиваться?

В боевых условиях оружие само по себе действовать не может, поскольку теперь существует система «оружие — человек» и именно человек обязан найти оптимальные решения именно в этих, сию минуту сложившихся условиях. И места тут для инициативы больше чем достаточно.

Наконец, в экипажах, в расчетах — короче говоря, там, где несколько человек должны действовать совместно,— нет границ для повышения и совершенствования слаженности, взаимозаменяемости...

И, улыбнувшись каким-то своим мыслям, Алексей Николаевич неожиданно поворачивает разговор:

— Служить в сегодняшней армии интересно! Ну где еще молодой человек может получить такой доступ к новейшим достижениям науки, техники? Где еще жизнь создаст ему столь благоприятные условия для удовлетворения

естественной любознательности? Нужен тебе инструктор — пожалуйста; требуются наглядные пособия — изволь; и тренажер в твоем распоряжении, и книги. И никаких бытовых забот... Только овладевай техникой, совершенствуй свои знания. Достигай! Старание будет поощрено, способности замечены... А кроме того, далеко не везде есть у человека такие, как в армии, возможности обогатить свою личность в культурном плане, повысить уровень своих политических знаний. Ведь существует обширная сеть клубов, где любой найдет себе занятие по вкусу, библиотеки, куда поступают великолепные книги. В армейских подразделениях нередкие гости — работники культуры. Причем это касается не только тех воинов, кому посчастливилось служить в обжитых, густонаселенных районах. Даже в дальних морских переходах, даже в условиях Крайнего Севера наши

воины не оказываются оторванными от культурной жизни всей страны.

— Как вы считаете, Алексей Николаевич, что завтрашний солдат должен знать уже сегодня? Как разумнее использовать время, чтобы подготовиться к службе? — спрашиваю я. И, видно, касаюсь актуальной темы: генерал отвечает оживленно, и мне приходится поторапливаться со своими заметками.

— Армия требует высокой добросовестности. От всех и от каждого. Поэтому пусть-ка завтрашние солдаты и приучаются не отлынивать от работы, пусть привыкают не бояться усталости. И физической и нефизической. Допустим, у человека что-то не ладится. Так бывает во всяком деле. С каждым. Умей понять, что не получилось! И спокойно начни все сначала! И снова... Пока не выйдет.

В армии часто бывает трудно. Всем. Трудности заложены в самой природе военной службы. Их надо преодолевать, а не обходить стороной. В армии хитрых не любят!

Будет отлично, если завтрашние солдаты заранее поймут и усвоят армейский порядок. Ведь ничего просто так, без необходимости, в войсках не делается. И человеку станет легче подчиняться самой суровой, не совпадающей с его личными желаниями необходимости, если он осознает ее смысл и ее целесообразность.

В армии легче служить тем, кто умеет без особого труда входить в товарищеские отношения, легко обзаводится друзьями — искусство отнюдь не специфически военное, но для армейского человека чрезвычайно ценное, я бы сказал, жизненно необходимое, и чем раньше человек приобщится к этому искусству, тем, конечно, лучше.

— Раз уж разговор наш зашел о человеческих свойствах, о нравственной подготовке к службе в рядах Вооруженных Сил, то мне хотелось бы узнать, — спрашиваю я, — какие качества вы считаете наиболее пагубными для солдата?

— На первое место я бы поставил, — говорит генерал, — избалованность. В этом принято винить обычно родителей: вот, дескать, стараются все детям дать, а с них ничего не требуют... Не берусь выразить в процентах, какая доля вины лежит на маме, какая — на папе, но знаю твердо: немалая доля ответственности лежит на самом молодом человеке. В восемнадцать лет юноша обязан без посторонней помощи соображать, что хорошо, а что плохо.

В восемнадцать человек становится совершеннолетним, и не к лицу ему сваливать вину на кого-то.

Может быть, тут стоит лишний раз напомнить, сколько лет было Герою Советского Союза Тимуре Фрунзе или другому Герою Советского Союза — Олегу Кошевому?..

Очень осложняет жизнь эгоцентризм — упорное стремление ставить свою персону в центр мироздания. И чем раньше молодой человек приучится смотреть на жизнь не

только со своей колокольни, тем с меньшими издержками он найдет свое место в строю.

Не однажды мне случалось наблюдать солдат, у которых служба нарушала какие-то жизненные планы. Скажем, поступал человек в консерваторию, не одолел конкурса, очутился в танковых войсках... Не успел выяснить отношения с девушкой и расстался в неведении, будет она или не будет его ждать...

Примеры можно умножить, но суть не в числе.

Важно другое: многие преувеличивают значение своих «потерь». А почему? Вновь и вновь возвращаясь мыслью к незавершенному, к оставленному дома, они не видят и не хотят видеть, что даже помимо их воли и желания дает им (а не отбирает!) служба в армии.

Это последнее замечание генерала заслуживает, мне кажется, исключительного внимания.

Действительно, едва ли найдется на свете человек, отслуживший положенный срок в армии, который отважится утверждать, что ничего полезного за минувшие два года не приобрел.

Позволю себе еще раз сослаться на личный опыт.

За первый год службы в армии я подрос на три сантиметра, у меня резко увеличился объем грудной клетки. Я повзрослел. Это были, так сказать, чисто внешние изменения, но на том дело не кончилось. Отвык по каждому пустяку советоваться с приятелями. Научился пилить и колоть дрова, разделявать бревна, копать канавы, сооружать землянки...

Позже к этому перечню прибавились и другие навыки — ориентироваться в обстановке, не требовать невозможного от подчиненных, показывать личный пример людям, а не произносить пустые слова...

Так ли это мало?

Армия дает человеку уверенность в своих силах,

повышает — и весьма ощутительно — его самостоятельность. Надо совсем ничего не понимать в жизни, чтобы считать годы службы потерянным временем.

И тут я подумал: а не скажет ли иной юный скептик: «Конечно, сослаться на мнение генерала о солдатской службе — дело не сложное... Если откровенно говорить, то мне куда любопытнее было бы послушать не генерала, а самого что ни на есть рядового срочной службы, вот пусть он своими впечатлениями и мыслями поделится...»

Валентин Силантьев — рядовой. Служит седьмой месяц. Силантьев — связист. Буквально с первых же слов нашего разговора выясняются две любопытные подробности:

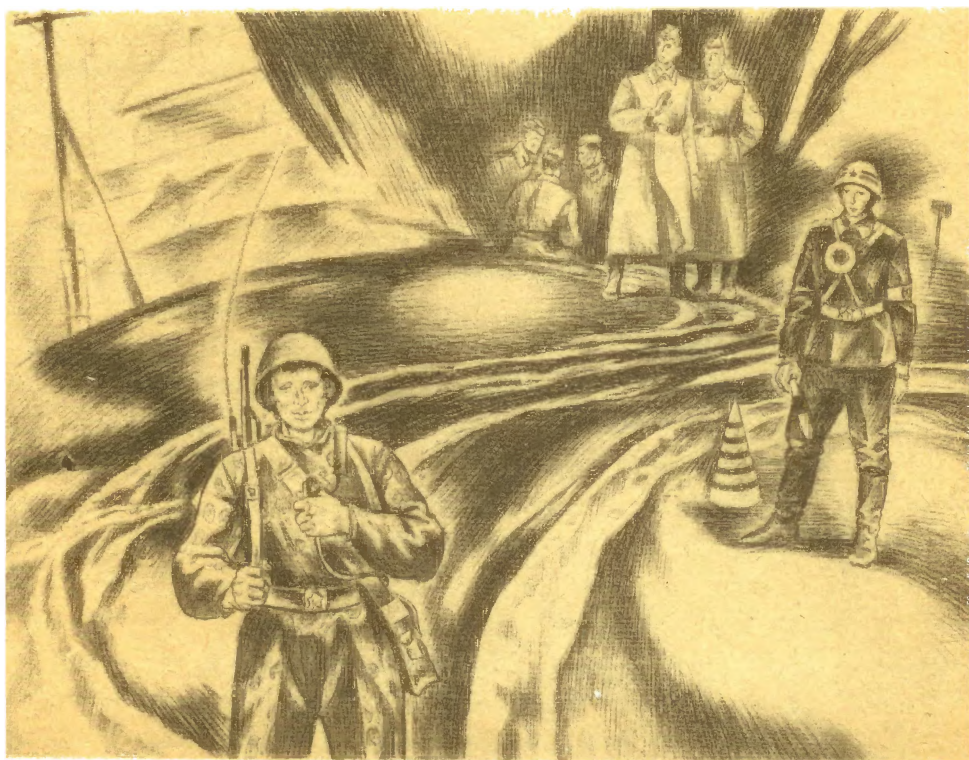
— Я, видите ли, большой любитель радиотехники, с пятого класса в кружках занимался, потом коротковолновиком заделался, да и теперь считаю, что нет на свете лучшего занятия, чем радио... Когда перед призывом со мной в военкомате беседовали, спросили, что я знаю, что могу, чем увлекаюсь... Это у всех ребят на беседе выясняли. И кто просился, допустим, в шоферы, тех, по большей части, в шоферы и направили, а кто к парашютному спорту имел отношение, тех послали в десантные войска...

— Выходит, принцип личной заинтересованности, — говорю я, — призывной комиссией соблюдается?

— Может быть, не всегда, но, если возможность имеется, к пожеланию призывника прислушиваются.

Это первая подробность.

И вторая: уже в части, после того как командир роты познакомился с Силантьевым ближе, он предложил Валентину — именно предложил, а не приказал — специализироваться в должности оператора. «На ключе ты и так здорово работаешь, — сказал командир, — в радиосхемах свободно разбираешься, есть полный смысл в операторах походить, расширить свой диапазон». И Валентин согласился.

Для своих неполных девятнадцати лет мой собеседник держится не вполне обычно — говорит степенно, осторожно выбирая слова, не сразу отвечает даже на простые вопросы — обдумывает...

До меня не сразу доходит: это результат той работы, что проводится в войсках для соблюдения военной тайны, Солдаты не должны болтать лишнего, а ведь этому — не болтать! — очень многим приходится учиться!

— Скажи, Валя, а что тебе показалось особенно трудным в самые первые дни службы?

Он обдумывает, как ответить, а я, пытаюсь помочь парню, подсказываю:

— Наверное, дисциплина?

— Нет... не сказал бы... Как раз от уставных требо-

ваний я не слишком страдал... Это же понятно — порядок нужен...

— Скучал без семьи?

— В какой-то степени, пожалуй... Но я рос не очень избалованным и не могу сказать... чтоб мысли о семье были главными...

— Трудно было укладываться в распорядок?

— Да... Но только недели две или три, а потом втянулся — и ничего.

— Так что же тебе все-таки мешало? Ты понимаешь, Валя, я добиваюсь ответа не из пустого любопытства, мне важно, чтобы те мальчишки, чья очередь служить еще не подошла, имели возможность учесть твой опыт и сделать соответствующие выводы. Для себя...

— Понятно,— смущенно говорит Валентин и признается: — Физическая подготовка — нож острый для меня... И сегодня тоже. Не могу про себя сказать: вот слабак! Но нет во мне спортивной жилки, и особенно я бегать не люблю. Но тут никто не спрашивает — любишь, не любишь? Надо! И все. Между прочим, я понимаю: так и должно быть. Но понимать, соглашаться в теории одно, а исполнять на практике — совсем другое. Втягиваться трудно. А еще характер...

И так как Силантьев на слове «характер» почему-то замолкает, я спрашиваю:

— В каком смысле тебе характер мешает?

— К сожалению, я невыдержанный, легко завожусь... А здесь за это по головке не гладят. У меня как получается: вот я говорю, положим, старшине: так-то и так-то дело было, а он не соглашается, ну, я начинаю доказывать... А он: «Отставить разговорчики!» Ну а как отставишь, если я прав...

— Значит, обижаешься на старшину, Валя?..

— Почему? Знаю: надо сдерживаться, надо управлять собой. А не всегда получается. Остальное — мелочь. Сперва казалось — кормят не так... Но прошло три месяца, и выяс-

нилось: я даже прибавил четыре кило... Или засыпать сразу не мог — лежу, ворочаюсь... Но и это прошло, особенно как начал дежурить. Сутки на командном пункте отбудешь, накрутишься, так не успеешь к подушке уха приложить, готово — храпишь! С глажкой тоже затруднялся...

— С чем? — не понял я.

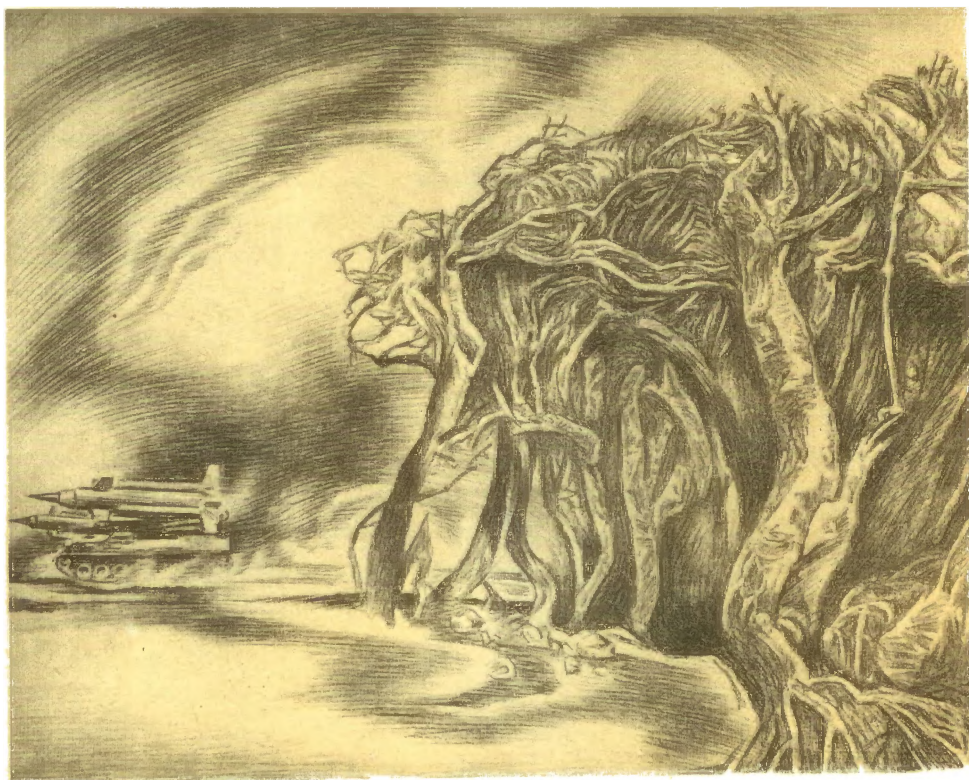
— Ну, в увольнение идти, надо же внешний вид иметь и, между прочим, обмундирование по всем правилам нагладить. Ну, до армии я с паяльником по высшему разряду управлялся, без хвастовства говорю, а вот к утюгу и не прикасался... Конечно, принцип аналогичный, только без привычки с утюгом трудно дружбу водить...

— Скажи, Валентин, а у тебя бывает такое настроение: тоска, все бы отдал за день отпуска... чтоб домой...

— Не стану притворяться — бывает... Да что об этом думать? Я же понимаю, для чего здесь нахожусь, и потом — присяга. Впрочем, если к этому вашему вопросу с другой стороны подойти, то ведь наверняка у каждого и на «гражданке» настроение еще похуже бывает. Человек и должен... реагировать, чувствовать... Не зря, я думаю, Маяковский еще писал: «Тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп...»

Слушая эту неторопливую речь молодого солдата, невольно улыбаюсь (про себя, конечно) и думаю: как же быстро наложила на человека свой отпечаток военная служба, требующая от всякого рассудительности, спокойной мудрости, безусловной и безоговорочной взрослости.

«Кровати в спальных помещениях устанавливаются так, чтобы около каждой из них или около двух сдвинутых вместе оставались места для прикроватных тумбочек, а между рядами кроватей было свободное место, необходимое для построения личного состава; кровати следует рас-

полагать не ближе 50 см от наружных стен с соблюдением строгого равення...»

Что это? Для чего?

Параграф 148-й Устава внутренней службы Вооруженных Сил СССР. Привожу эти строки, чтобы ты почувствовал деловитую основательность документов, регламентирующих армейскую жизнь.

И еще хочу, чтобы ты заранее понял: воинские уставы, которые в недалеком будущем определяют твою жизнь, будут предельно конкретны, они не упустят ни единой мелочи.

Вот только что упоминалась «прикроватная тумбочка»; казалось бы, что еще можно сказать об этом незначительном предмете? Однако параграф 150-й определяет: «Прикроватная тумбочка предназначена для хранения

туалетных принадлежностей, подворотничков, носовых платков и других мелких предметов личного пользования. В тумбочке могут также храниться книги и тетради».

И такая скрупулезная точность касается не только предметов, окружающих военнослужащего, но и его обязанностей, действий в разных обстоятельствах, поведения.

Поинтересуемся, например, как происходит увольнение солдата из расположения воинской части.

«Солдаты и сержанты срочной службы увольняются из расположения полка командиром роты. Одновременно из подразделения может быть уволено не более 30% личного состава.

В субботу разрешается увольнение до 24 часов, а в воскресенье — до отбоя.

Рядовые первого года службы увольняются из расположения полка после принятия Военной присяги...» А дальше четко и ясно сказано, в каком порядке производится процедура увольнения, с какими словами и к какому начальнику должен обратиться военнослужащий за разрешением покинуть часть, кто составляет списки увольняемых, как старшина роты проверяет покидающих часть подчиненных; специальное приложение к Уставу определяет форму увольнительной записки и книги регистрации увольняемых...

Параграф 207-й гласит: «По возвращении из увольнения военнослужащие являются к дежурному по роте, докладывают о прибытии, сдают ему увольнительные записки и являются с докладом к своему непосредственному начальнику.

Например: «Товарищ сержант. Рядовой Петров из увольнения прибыл. Во время увольнения замечаний не имел (или имел такие-то замечания от такого-то)».

Надеюсь, мое обращение к действующему Уставу Вооруженных Сил помогло тебе ощутить — не познать, конечно, а для начала всего лишь почувствовать разумную строгость военных порядков.

И вот что еще приходит в голову: а не попытаться ли

составить перечень правил или, может быть, лучше сказать — норм поведения на сегодня, что помогли бы тебе завтра войти в русло армейской жизни с наименьшими потерями и переживаниями?

Привычка — великая сила. А? Что ты думаешь на этот счет?

Проснулся — вставай! И никаких промедлений.

Всякий день начинай физзарядкой, и так 365 раз в году...

Комнату убирай быстро и всегда в одинаковой последовательности.

Одевайся аккуратно и тщательно (оторванная пуговица, нечищенная обувь, сомнительной свежести носовой платок — все это гарантирует неприятности в твоей будущей армейской жизни).

Все, что делаешь, делай как следует. (Заметь любимое старшинское присловие: «Не можете — научим. Не хотите — заставим!»)

Высказывайся кратко, точно и по существу.

Борись с собой: убивай лень, не допускай распушенности, уничтожай неаккуратность. Человек способен на большее, чем он думает.

Спорт — не забава, а насущная необходимость.

Постоянно следи за временем. Не опаздывай даже на минуту.

Не суетись: поспешность, торопливость несколько не ускоряют дела, а только сбивают с толку. Быстрота — от умения и от тренировки.

Чем больше умеешь, тем лучше. И не пренебрегай простейшими навыками:

пилить доски,
колоть дрова,
стирать белье,
готовить еду,

мыть полы,
копать канавы,
белить стены,
лазать на деревья,
ориентироваться по компасу,
разжигать костер,
ремонтировать обувь,
чинить одежду —

все это в жизни нужно, а в солдатской особенно!

На лыжах ходишь? На велосипеде едешь? Мотоциклом владеешь? Автомашину водишь? А трактор? С парашютом прыгал? В одежде плавать умеешь? Приемы самбо или дзюдо знаешь?.. Учись, пока не поздно.

Армия любит смелых, сообразительных и расторопных.

Такими не рождаются, такими становятся. Усилием ума и воли. Не жалея себя. Суворов сказал: «Тяжело в ученье — легко в бою».

Будь строг к себе: своя строгость переносится куда легче чужой.

Прежде чем кого-либо обвинять в несправедливости, постарайся поставить себя на его место и честно ответить: «А как бы поступил в такой ситуации я?»

Перечисленные правила, естественно далеко не исчерпывающие, и каждый человек, я думаю, может успешно их усовершенствовать, сократить или дополнить, короче говоря, приспособить к собственным потребностям. Но в одном не сомневаюсь: жить так, чтобы «день да ночь — сутки прочь» — преступление.

Время идет быстрее, чем многим кажется. И, уверяю тебя, до призыва в ряды Вооруженных Сил остается совсем немного времени. Так постарайся же использовать это драгоценное время с наибольшей пользой, чтобы без страха и

сомнения встретить свой час, чтобы заранее знать, открытыми глазами видеть дни своей военной службы.

Это давно и верно замечено: пугает лишь неведомое.

Напоследок лишь напомним еще раз вот эти слова присяги:

«Я клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству».

Твои деды и отцы, твои старшие братья свято хранили верность присяге. Потому и выстояла наша страна во многих, самых тяжелых бурях, выпавших на ее долю. Потому и является она надеждой миллионов людей земли, воплощением лучших чаяний человечества. Потому над нашей, и не только над нашей, страной сегодня — мирное небо.

И потому прописной истиной стали для многих из нас простые, емкие и великие слова, в очередной раз звучащие в приказе министра обороны СССР в честь Дня Советской Армии, звучащие священной, нерушимой клятвой: «Созданные В. И. Лениным, Коммунистической партией, наши Вооруженные Силы в едином боевом строю с братскими армиями государств — участников Варшавского Договора... всегда готовы с честью выполнить свой патриотический и интернациональный долг».

Счастливой тебе службы, мой юный друг!

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Антон Мартынов

ПЕРЕД МАРШЕМ...

Очерк

ИБ № 7607

Ответственный редактор *В. И. Болотников.*
Художественный редактор *Л. Д. Бирюков.*
Технический редактор *М. В. Гагарина.*
Корректор *Л. И. Дмитриук.*

Сдано в набор 23.03.83. Подписано к печати 24.10.83. А 13258. Формат 70 x 100¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отт. 8,78. Уч.-изд. л. 2,43. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2137. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»